

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Чжэн Янтун
на тему: «Сербская диалектная лексика обрядов жизненного цикла в
этнолингвистическом освещении (начало и конец жизни человека)»
по специальности 5.9.6 – «Языки народов зарубежных стран (славянские
языки)»

Представленная к защите диссертация написана в русле одного из самых актуальных направлений в отечественной славистике – славянской этнолингвистики и посвящена отражению в языке двух важнейших для народного сознания концептов – рождения и смерти человека. Изучение традиционного славянского мирозерцания составляет предмет многих современных исследований как в России, так и в других славянских странах (ср. работы Е.Бартминьского, Е.Л.Березович, А.А.Плотниковой, И.А.Седаковой, Б.Сикимич, С.М.Толстой и многих других ученых). Особенно хочется поприветствовать, что в работе применяется лингвоцентричный подход к изучению народной культуры, то есть описывается языковая структура соответствующих фрагментов традиционного мировидения. Работа, безусловно, является новой, поскольку описание лексического поля рождения и смерти в сербских народных говорах до сих пор не предпринималось. Вынесенные на защиту положения представляются обоснованными и подтвержденными текстом диссертации.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и приложенных карт. Во введении дается краткий обзор наиболее значимых для диссертации этнолингвистических исследований, используемых в работе сербских диалектных словарей, а также описывается структура сербского диалектного языка.

Первая глава «Лексика родинной обрядности западной, восточной и юго-восточной Сербии» включает описание лексического выражения ряда

идеограмм, относящихся к семантическому полю рождения в сербском языке. Согласно вынесенному на защиту положению, эти идеограммы делятся на три группы: люди (элементы персонажного кода родинного обряда), предметы (элементы предметного кода обряда) и действия (элементы акционального кода обряда). В первой главе рассматриваются следующие идеограммы: беременная женщина, роженица, бездетная и бесплодная женщина, повитуха, младенец, новорожденный, мертворожденный, ребенок, сирота, близнец, внебрачный ребенок, одномесечник, первый и последний ребенок, некрещенный ребенок, «рубашка», послед, подарки новорожденному, мифологические существа, определяющие судьбу ребенка. Данный список значений сам по себе информативен и интересен, поскольку показывает структуру обряда, каким его представляет язык. Каждая идеограмма анализируется с точки зрения ее реализации в литературном языке и разных диалектах и соответствия ей народных поверий (не всегда, но в большинстве случаев). Таким образом, предметом исследования являются: лексическая парадигма значения, мотивационная структура слов, его выражающих, и этнографический контекст их функционирования. Автор делает вывод о балканизации лексики поля в говорах восточной и юго-восточной Сербии и о близости лексики западной Сербии к литературному языку.

По такому же плану построена вторая глава «Лексика похоронной обрядности западной, восточной и юго-восточной Сербии». Здесь описываются идеограммы: умерший (покойник), самоубийца, погребальная процессия, кладбище, могила, гроб, смерть, погребение, поминки, поминальная жертва, плач по покойному. Делается вывод о территориальном единстве сербской лексики данного поля, характеризующейся незначительным диалектным варьированием.

Представляют интерес 8 карт, помещенных в приложение к диссертации и демонстрирующие географию некоторых лексем родинной и похоронной обрядности.

Характеризуя работу в целом, отмечу, что автор в большом объеме изучил российскую и сербскую этнолингвистическую литературу, сербскую этнографическую литературу (с опорой на классиков сербской этнографии Зечевича, Джорджевича, Требьешанина), сербскую диалектную лексикографию, маатриалы основных атласов, в которых представлен сербский язык (ОЛА, МДАБЯ). Освоение сербского языка на необходимом для проведения исследования уровне представляло для автора отдельную профессиональную задачу, успешное решение которой стоит поприветствовать.

Диссертация дает полезный свод лексики сербской родинной и похоронной обрядности, который может быть в дальнейшем использован для различных сербских, южнославянских, балканских, общеславянских сопоставлений (лексикологических, семасиологических, словообразовательных, этимологических, ареалогических). Исследуемая лексика распределена в каждой части по основным структурным компонентам обрядового текста (лица, действия, предметы, локусы и т.д.) и соотнесена с соответствующими верованиями, оценками, ритуальными действиями и т.п. Представленная в работе сербская диалектная лексика дает определенное представление о ее соотношении с литературным языком, а также о внутренних диалектных различиях в исследуемой лексике; приводимые в приложении карты, хотя носят чисто иллюстративный характер, но все же они полезны для будущих ареалогических наблюдений и выводов. Полезны некоторые частные наблюдения автора, раскрывающие внутреннюю форму и мотивационные модели рассматриваемых лексем, они прокладывают путь к дальнейшим систематическим исследованиям подобного лексического материала. Некоторые из терминов сербского родинного и погребального обряда впервые рассматриваются на общем фоне соответствующей тематической группы, привлечение к ним внимания позволит в будущем более обстоятельно рассмотреть их семантику и культурные функции.

Несмотря на общую высокую оценку проведенной автором работы, анализа материала и сделанных выводов, в диссертации содержится ряд недоработок.

Как кажется, более глубокой могла быть лингвогеографическая трактовка диалектных данных. Помимо вывода о влиянии на восточносербский ареал балканских языков и лучшего сохранения исконной славянской лексики в западных областях, можно было бы дать более детальную интерпретацию различий западной и восточной Сербии, в том числе на основании карт.

Автор иногда очень обобщенно применяет географические характеристики к языковому материалу, характеризуя то или иное слово, как распространенное в Сербии или Республике Сербской, тогда как в действительности оно может иметь гораздо более узкое распространение. Или наоборот, широко распространенному слову приписываются региональные характеристики (как например, слову *опело*, с. 94). Например, с. 45: «Новорожденный в Сербии чаще всего называется *дете*, иногда *принова*, если мальчик – *детенце*, если девочка — *момичка*», хотя *момичка*, это восточносербский диалектизм. С.46: «В Республике Сербской также фиксируется *беба*» (со ссылкой на словарь, который включает лексику не всей Республики Сербской, а только области в западной Боснии). Непринято применять определение «западная Сербия» к самым западным территориям расселения сербов, то есть к западной Боснии.

Сомнительны некоторые этимологические суждения автора. Так, лексема *мицко* как обозначение ребенка связывается автором с именем *Митко*. Без ссылки на источник констатируется неочевидная этимологическая связь *мрва* – *мрав* (с. 51). На с. 106 устанавливается также неочевидная связь между *л'цнем* «умереть» и *ланац* «цепь».

Вызывают вопросы некоторые переводы сербских слов на русский. На с.69 упоминается, что рождение мальчика метафорически описывается в сербском языке выражением «крестильная свеча не погасла». Хотя не дается

оригинальное сербское выражение, можно предположить, что речь идет не о крестильной свече, а о славской свече. На с. 74 при переводе с сербского очевидно смешиваются слова *девочка* и *девушка*: «в Призрене, согласно поверью, когда рождаются дети женского пола, чтобы следующий ребенок родился мальчиком, ткань для рубашки берут у семи обрученных *девочек*, шьют из нее рубаху и одевают новорожденную девочку, веря, что следующим родится мальчик». На с. 76 отмечается, что «в деревнях на Тимоке верят, что ребенок в «рубашечке» (*у пометини*)», но скорее всего здесь речь идет о последе, что подтверждают изложенные далее данные. Есть и другие подобные примеры.

Встречаются повторы (см. с. 83-84), неточные формулировки, неточные названия разделов. Так, констатируется, что «к акциональному коду относятся обрядовые действия, такие как: *пугује, прекара, ливсивати, мандркнути, батисати* и др. в значении ‘умирать’ и т.д. », при том, что смерть, очевидно, не является обрядовым действием. Раздел 0.3 носит название «роль этнографических описаний», но в большей степени в нем рассматривается диалектная структура сербского языка.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.6 – «Языки народов зарубежных стран (славянские языки)» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Чжэн Янтун заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6 – «Языки народов зарубежных стран (славянские языки)».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
Доцент кафедры славянской филологии
филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»

Якушкина Екатерина Ивановна

11 ноября 2024

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

5.9.6 – «Языки народов зарубежных стран (славянские языки)»

Адрес места работы:

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, МГУ им. М. В. Ломоносова,
филологический факультет, 1-й корпус гуманитарных факультетов
Тел.: 495 939 24 55; e-mail: slavlang.msu@gmail.com

Подпись сотрудника

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Е. И. Якушкиной

удостоверяю: